

Аветисян Гаяне

Пение ангелов

Старое охотничье ружье висело на кошенильно-красном ковре возле решетчатого окна, и когда солнце поднималось над кустами крыжовника, бледные контуры узора, вытканного простой грубоватой пряжей, становились ярче. И ружье, и ковер были частью той памяти, которая застывает тихой печалью. Местами кружевная, местами залатанная – она никуда не уходила за порог каменного дома, хозяйку которого звали Арпи, что означает «солнце». Арпи родилась перед самой войной в солнечный июньский день сорок первого. Своего отца она впервые увидела лишь спустя три года после победы. Отец вернулся из плена постаревшим, измученным и стал единственным человеком, который баловал свою маленькую дочь, а та, из своего почти сиротского детства, вынесла твердую уверенность, что нет большего счастья, чем нежность опаленной родительской души.

Когда отца выслали в лагеря, как бывшего военнопленного, Арпи перестала играть в детские игры. Она ничего не знала о той несправедливости, перед которой человек бессилен, о вселенском зле, которое подобно внезапной стихии обрушивается на незащитных. Мать была уверена, что это кара Господня, но при этом никак не объясняла, за что же отец небесный так наказывал. В теплые дни она брала с собой Арпи к святым местам, чтобы вымолить прощение за грехи, которые не совершала. Дорога к полуразрушенной часовне была долгой, – сначала через лес, а уже потом по отвесному склону горы до самой вершины. Когда-то здесь совершались таинства, теперь же все было в полном запустение. Только огрызки догоревших свеч свидетельствовали о том, что Господь милосерден. Иначе кто бы сюда приходил? В часовне не было ни одной иконки, даже крохотной, и Арпи все время спрашивала:

– Где же наш отец небесный? Где он?

Мать доставала восковые свечи, аккуратно ставила их в ряд, крестилась и беззвучно шептала – «во имя отца, сына...». Так они стояли, пока воск не расплавлялся до конца, потом выходили из темной, прохладной часовни и шли к роднику. Луговые цветки наполнялись соком, птицы щебетали не переставая, белка прыгала с ветки на ветку.

– Ты спрашиваешь, где отец небесный? Повсюду. Это он сотворил небо и землю, и все, что есть на земле. Видишь, луг за виноградником? Говорят, там ангелы поют. Кто услышит их пение, тот и счастье свое найдет.

Запали слова матери в самое сердце маленькой девочки, и однажды, когда мать задремала возле родника, спустилась она на этот самый луг и стала прислушиваться к шелесту трав. Как же ей хотелось услышать пение ангелов! Долго она сидела на лугу, пока не услышала грустную мелодию, доносившуюся оттуда, где речка пряталась между скал. Побежала она к речке и увидела пастушка. Это он пел песню – печальную будто слеза, застывшая на щеке. Арпи спряталась за скалу, но мальчуган с васильковыми глазами заприметил ее и улыбнулся. Так у Арпи появилась своя маленькая тайна. И к какой только хитрости она не прибегала, чтобы вновь оказаться здесь...

Чем старше становилась Арпи, тем меньше оставалось надежд на то, что вернется отец. Стали поговаривать, что оттуда, из лагерей этих, не возвращаются. Мать отчаянно пресекала разговоры о врагах народа, кричала, что муж у нее не враг, а герой. Врагами оказались свои, иуды окаянные. Но чем отчаянней она кричала, тем тревожнее становилось за дочь. Что если дочь замуж никто не возьмет? Сколько ты не кричи, все одно всех не перекричишь. Жениха для Арпи присоветовала далекая родня, когда узнали родственнички, какое приданое готовят невесте. Что отец у нее враг народа – так кому какое дело, если мать невесты ничего не пожалела, все свои кровные потратила, чтоб злопыхателям неповадно стало. Драконовый ковер в качестве оберега от злых сил, пятиметровый ковер с причудливым цветочным рисунком, швейная машинка «Зингер» и два сундука, набитые «штучным» товаром, перевесили чашу весов, на которой остались пустые разговоры.

Жених оказался никакой – кривенький, будто контузило куда, да и по годам староват. А уж как его нахваливали! И такой, и сякой – повезло невесте, горя знать не будет. Свататься пришли хоть и разодетые, но с одним единственным кольцом из потускневшего золота. Будущая теща затаила обиду. Но куда денешься? Согласие свое дала и возненавидела зятя с первой же минуты. Старый, кривой, да еще и скупой. Разве о такой долюшке мечтала она для своей единственной дочери? Другие вон заискивают перед своими зятьями хотя бы первое время, но она даже разок не смогла улыбнуться. Свадьбу приличную играть не стали. Приехал жених со сватами на грузовике, посидели в доме у невесты с часок и уехали.

Новая жизнь не стала для Арпи счастливой. Не было в ней любви. Достаток в доме не радовал. Все чаще вспоминала она васильковые глаза. Думала и о ребенке, но проходило время, а кроме пересудов дрянных людишек ничего так и не прибавилось. «Да на тебе проклятие лежит за отца твоего», – как-то в сердцах обронила свекровь. Арпи ничего не ответила, а только поняла, что дом этот не станет родным ей во век. Чужими людьми были, чужими и останутся. Никому Арпи не раскрыла своего сердца, разве что Господу в той самой часовне, куда водила ее мать. Здесь не звонили колокола, не пахло ладаном, но где-то совсем рядом пели небесные ангелы.

Муж Арпи ко всему был безразличен, не человек, а дерево сухое. Ни о чем не догадывался, пока сосед как-то в разговоре возьми, да и не намекни: «Что это жена твоя зачастила к старой часовне? Одна, да через лес в гору. Как бы чего не случилось». – Говорит вроде с сочувствием, а глаза у самого смеются. Тут-то мужичка и проняло. На что это сосед намекает? Что выросли на голове у него рожки? Окутала ревность ненавистью. Стал размахивать кулаками, пока не схватила Арпи ружье, что висело на ковре. Приставила дуло прямо к сердцу благоверного и сказала спокойно: «Убью, если еще раз тронешь». Не испугался кривенький мужичок, нет, а только понял, что защищает Арпи не себя. Значит, прав был сосед. Иначе не посмела бы она на мужа ружье наставить. После этого случая он разом притих, напросился в егеря и стал

почти отшельником. Домой приходил редко, то зайчатины принесет, то дикого кабана. Поставит мешок с добычей в углу комнаты, посидит молча, посмотрит на располневшую, похорошевшую жену и обратно в лес. Осенью, когда зачастили дожди и леса оделись туманом, он ни разу так и не появился. Арпи заволновалась. Мало ли что могло случиться? Какой-никакой, а муж. Искали всей деревней. Пропал, словно в воду канул. Только ружье осталось возле лесничего домика.

Мать Арпи, узнав о том, что зятек ненавистный сквозь землю провалился (лучше бы сдох!) приехала за дочерью незамедлительно, собрала все, что так долго берегла для счастливого замужества и прокляла ненавистный дом на глазах у изумленных соседей. Свекровь Арпи с перепугу залезла в сарай и не выходила, пока нагруженная машина не отъехала от дома на километр.

В конце зимы у Арпи родился здоровенький, крепенький мальчик. Дали ему имя деда – Саро. О ее злополучном замужестве никто больше не вспоминал, будто его и вовсе не было, а ребенок родился от духа святого. Только охотничье ружье, случайно прихваченное вместе с ковром, осталось единственным напоминанием о чужом доме. Рождение сына обернулось для всех божьей благодатью. Мать даже подобрела оттого, что в доме снова зазвучало имя, что пропало в чужих лагерях, да так и не вернулось. Знала она, что грех дочери ляжет тяжелым камнем на всех, но ни разу ее не попрекнула. Только любопытство не давало покоя. Кто же отец ребенка? Как же дочь любит его, если ни на минуту не отпускает сына от себя.

– Саро! Где же ты, мальчик мой, где ты прячешься?

– Саро, отойди от тонира, хлеб еще горячий, пусть остынет.

– Саро, брось немного пшена курам и принеси полено.

Когда мальчик подрос, Арпи пошла работать на ферму. Дояркой она была на зависть. Другую такую еще поискать надо было. Работала день и ночь, от сверхурочных не отказывалась, если кого надо было подменить – с радостью. А все потому, что задумала она дом построить – каменный, просторный. Мать

во всем поддакивала: «Правильно, доченька. На мужчин надежды никакой. Лучше все самой».

Арпи старалась быть со всеми приветливой, веселой. Материнство сделало ее еще более стойкой, мудрой, наполнило душу нежным светом до самых краев. Сын, тем временем, вырос, и в его чертах угадывалось то, что оставалось для многих тайной. Только Арпи могла знать, откуда у мальчика необычные васильковые глаза и русый цвет волос. Отслужив армию, Саро вернулся домой повзрослевшим, возмужавшим. Как же Арпи любовалась им, когда тот брал отточенную косу и шел в поле косить траву, когда садился за руль старого грузовика и лихо гнал его по ухабистой дороге. Он мечтал поступить в архитектурный, и даже сделал несколько эскизов для будущего дома. Арпи договорилась с прорабом, нашла совестливых рабочих, уже был заказан кирпич и цемент.

Все бы хорошо, кабы знать завтрашний день. Тот пришел неожиданно грозowymi тучами, напугал Арпи. Сосед ее, Егиш, объяснил, что пришли перемены, и это к лучшему. Но видно, сосед чего-то не понял. Арпи по наивности своей еще надеялась, что все обойдется, что люди поймут друг друга, договорятся. Но когда Саро взял старое охотничье ружье – стало ясно, что нет никакой надежды на мир. Она попыталась его отговорить – не ходи сынок, там убивают. Но Саро не послушал свою мать и вместе с другими парнями ушел в горы. Арпи была уверена, что через день Саро вернется, если не через день, так через недельку точно. Что им в горах со старыми ружьями делать?

Он появился только через месяц – заросший, похудевший. Глаза темные, будто и не васильковые. На дворе было пасмурно, моросил дождь. В вечерних сумерках она едва ли узнала своего светлоглазого Саро. Как же он изменился! Что за странный тулуп на нем? И что это он прихрамывает? Засуетилась Арпи, быстро растопила баньку. Пока вода нагревалась, зарезала курицу, достала из кладовки маринады, стала еду готовить. Саро хоть и улыбается, пытается шутить, а о том страшном, что пришлось увидеть, ничего не рассказывает.

Повесил охотничье ружье на драконовый ковер и говорит: «Вот тут ему и место. С дракончиками». Всю ночь Арпи не сомкнула глаз, все смотрела на спящего сына, а ранним утром, как только туман оторвался от земли, пошла провожать его до самой трассы. Сын весело помахал рукой, когда в машину садился. Да разве материнское сердце обманешь?

С этого самого дня все говорили только о войне, а война эта, что горе-косарь – порубила, покосила рожь зеленую, не созревшую... Ей бы колоситься на радость всем.

Опустели дома, почернели чудные карабахские сады, люди спасались бегством от танков, расстреливающих детей и стариков. Арпи никуда не ушла. Не было никакого страха умереть. Она думала только о сыне. Что если снова появится? Пусть на несколько часов, как тогда, в тот ненастный вечер.

Так Арпи и осталась в старом, неотстроенном доме ждать сына. Она запретила себе даже думать о плохом и ждала его долго еще после войны. Верила, что жив, что не пропал бесследно, как другие, что не в плену. Она брала фотографию Саро и ездила к высокому начальству в город, расспрашивала героев-фидоинов и тех несчастных, кто был прикован к инвалидной коляске. Не встречал ли кто его? Он у нее такой приметный – крепкий, как горы, в которых родился, и с глазами василькового цвета. Она знает, что сын жив. Мало ли что случилось, потому и дорогу забыл домой. Вон, в мирной жизни чего только с людьми не случается. Теряются, а потом долгие годы ищут друг друга. А тут война была.

В день Победы Арпи с удивлением рассматривала военную технику, выставленную на параде. Она не испытывала ни чувства гордости, ни чувства защищенности. Она только спрашивала себя: «Кто эти люди, что придумывают смертоносное оружие? Ученые-изобретатели? Преступники или безумцы?». Она вспоминала своего мальчика, который ушел в горы с одним единственным старым ружьем, и думала о том, что если бы не было этих современных «убийц», не было бы и страшных войн. Что это за земля такая, на которой люди исчезают бесследно? Арпи больше не строила иллюзий

насчет того, что люди смогут друг с другом договориться. Нет, не смогут. Не смогут, пока существуют преступные миллиардные сделки, пока существует заказ на войну.

Мать как-то сказала ей: «Не ищи сына, забыла про грех свой что ли?». Сказала, будто выстрелила из охотничьего ружья. Да нет, не забыла. Помнила Арпи и грех свой, и тот майский день, когда бежала от ненавистного мужа к другому, родному. И вот теперь, когда та тропинка заросла колючками, она каждый год в конце мая брала восковые свечи и шла к старенькой часовне. Она отчаянно молилась, потом шла собирать маки, тюльпаны, голубые васильки. Она набирала огромный букет душистых луговых цветов – разве есть еще что-либо краше? – и возвращалась домой. Ставила цветы в вазу и чувствовала, как наполняется душа той потерянной любовью, которая осталась там, где луг цветет, и ангелы поют.